

УДК 339.5(075.8)

**ОТ СОВМЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ДАРЕНИЕ И
ВЗАИМОДАРЕНИЕ К ОБМЕНУ И ТОРГОВЛЕ****Кривуц Ю.Н., к. э. н., доцент***Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина*

Постановка проблемы. Внешняя (международная) торговля как одна из форм международных экономических отношений – продукт исторический. Она возникла и получила развитие на определенном этапе эволюции общества, его производительных сил. Переход от натурального хозяйства к товарному производству и обращению – рубикон процесса.

Анализ последних источников и публикаций. Абсолютное большинство зарубежных (Е.Н. Сидорова, В.И. Фомичев и др.) и отечественных (Т.В. Кальченко, Ю.Г. Козак, Н.С. Логвинова, О.В. Мирошниченко, Л.П. Петрашко, Т.М. Цыганкова и др.) исследователей проблемы отмечают предпосылки и раскрывают сущность внешней (международной) торговли. Лишь А.А. Сусоколов в фундаментальном труде «Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию» (М.: SPSL « Русская панорама», 2006), А.А. Мазараки в книге «Торговля: история, цивилизация, мораль» (К.: Книга, 2010) и А.С. Филипенко в монографии «Экономическая глобализация: истоки и результаты» (М.: Экономика, 2010) подняли вопрос о межобщинном и межотраслевом обмене как предтече актов купли-продажи.

Цель статьи состоит в описании механизма эволюции процесса от случайного использования «чужих» предметов через дарение и взаимодарение, «немного» и заочного обмена к торговле.

Изложение основного материала. На заре человечества «люди находились еще в местах своего, первоначального пребывания... Пищей служили им плоды, корни», «дичь стала постоянной пищей», как и рыба, а охота – одной из форм простейшего хозяйствования, - замечал Ф. Энгельс в работе «Происхождения семьи, частной собственности и государства» [1, с. 23-25].

Территория, на которой размещались и по которой передвигались наши предки, находилась в общем, коллективном пользовании. Сообществам принадлежали и результаты совместных усилий – собранные дары природы, пойманная рыба, охотничья добыча. Сообща пользовались жилищами, не исключено – и простейшими орудиями труда (палками – землекопалками, дротиками и пр.). Вряд ли посильно было одному изготовить лодку-дублянку или построить искусственное жилье. Коллективное изготовление предполагало и совместное использование. Строго личной собственности еще не существовало. Любой из сородичей мог взять и использовать что-нибудь без спроса. В силу различных причин и обстоятельств «хозяин» уступал партнеру. Он мог предоставить не только во временное, но и постоянное пользование орудие труда, домашнюю утварь, одежду и т.д. Получивший в единоличное пользование подчас отвечал своим подарком.

Историк Геродот в своем классическом труде рассказал о таком случае: «Когда ихтиофаги («рыбоеды») из Элефантими прибыли к Камбусу (царю персов – Ю. К.), царь отправил их в Эфиопию, объяснил им поручение и передал дары эфиопскому царю: пурпурное одеяло, золотое ожерелье, золотые браслеты, алебастровый сосуд с миррой и кувшин финикийского вина» [2, с. 32].

Возникшая в далекие времена традиция сохраняла значение (не утрачена она и в наши дни). Арабский историк средневековья Абу Зейд Абд ар-Рахман ибн Мухамед ибн Халдун в «Книге назиданий и сборнике начал из сообщений о деяниях арабов, персов и берберов и тех, кто были их современниками из числа носителей высшей власти» и отмечал: «... между правителями Такедды и эмирами Заба и Арглы происходит обмен подарками...» [2, с. 299].

Ал-Хасан ибн Мухамед ел-Ваззан аз-Зайяти ал-Фаш в «Описаниях Африки и о примечательных вещах, которые там имеются», описывает свое пребывание в королевстве Канем: «... знатный человек из Дамьетты подарил ... королю прекраснейшего коня, турецкий меч, кольчугу и ружье и некоторые другие красивые зеркала, гребни, коралловые четки и несколько ножей; ... Король же за это дал тому человеку 5 рабов, 5 верблюдов и 500 дукатов ..., а позднее — [еще] 100 огромных слоновых бивней» [2, с. 354].

Обобщая практику дарения и взаимодарения, Н. Макиавелли указывал: «... люди посылают... в дар то, что имеют самого дорогого или чем надеются доставить... наибольшее удовольствие...» [3, с. 47].

Яркой иллюстрацией последнего тезиса автора трактата «Государь» является подарок прусского императора русскому царю Петру I янтарной комнаты. Это – знак благодарности за исключение самой возможности появления шведского сапога на прусских землях после поражения войск Карла XII и отряда Ивана Мазепы под Полтавой.

Достаточно часто партнеры обменивались очень дорогими подарками. В 950 г. до н. э. царица Савская соревновалась с Соломоном не только в мудрости, но и в щедрости.

В общинах североамериканских индейцев вплоть до XX в. существовал обычай – социально обязательный обмен подарками («потлатч»). Канадские власти в какой-то момент объявили такую практику «уголовным преступлением» - их обеспокоило, что порой индейцы залезали в тяжелые долги и целые семьи вынуждены были подолгу ходить чуть ли не голодными – лишь бы позволить себе подарить что-нибудь подороже» [4, с. 114].

Во времени институт дарения и взаимодарения трансформировался. Его рамки и мотивы расширились. Подарки преподносились не только в знак благодарности или к знаменательным датам, но и в честь памятных событий.

Достаточно припомнить, что молодое Русское государство значительно расширило свои восточные пределы, присоединив необъятную Сибирскую землю. Этот подвиг совершил небольшой отряд казаков во главе с Ермаком Тимофеевичем. С вестью о покорении Сибири в Москву прибыли люди от Ермака. Царь Иван Грозный на радостях «простил» казакам их прежние «вины» и пожелал даже одарить казаков из своей казны. Среди царских подарков, отправленных Ермаку в Сибирь, было две кольчуги, в том числе и кольчуга, некогда принадлежавшая князю Петру Ивановичу Шуйскому. Подарок пришелся кстати, и Ермак, продолжая свой трудный поход, носил обе кольчуги (одну поверх другой) и днем и ночью [5, с. 125].

В качестве даров выступали самые разнообразные вещи – от слонов до птичьих перьев. Prestиж личности оценивался значимостью и ценностью подаренного.

Если простые индейцы, как и другие народы, собственным трудом восполняли затраты на подарок, то находящиеся у власти обременяли народ податями сверх меры, прибегали «к неблагоприятным способам изыскания денег», постепенно возбуждая «ненависть подданных» [3, с. 89].

Обмен подарками имел локальный характер: ты – мне, я – тебе. На состоянии сообществ это не сказывалось. Они продолжали ощущать нехватку тех или иных продуктов и вещей или их полное отсутствие. Выручал обмен.

Существовал и другой способ заполнения необходимого или просто желаемого, редкостного или диковинного.

«Первичный способ приобретения всего необходимого есть захват. Все вещи в глазах первобытного человека никому не принадлежат. Он просто забирает себе то, что ему нужно... То, что находится во владении чужого, приобретают, насколько это возможно, путём захвата... При первом знакомстве с австралийцами европейцы никак не могли

склонить их к обмену. Предметы, которые они им давали, те так мало ценили, что тут же бросали их; но когда они пожелали получить от европейцев пойманную ими черепаху, они ... просто хотели взять её себе... » [6, с. 158].

Военные экспедиции египетских фараонов и правителей инков, набеги кочевых народов и нападения пиратов, большинство войн, начиная с эпохи древности и вплоть до наших времён, носили захватнический характер. И «только невозможность получить желанный предмет путём захвата, - указывал Ю. Липперт в «Истории культуры в отдельных очерках», - ведёт к взаимному обмену, в частности «предметами привлекательными и встречающимися в немногих местах» [6, с. 159]. Такими были на заре человечества красящие земли, соль, камень. В таких случаях по молчаливому соглашению пришедшие издалека пропускаясь через территорию проживания, надеясь на ответный шаг, если он понадобится: у соседей может найтись то, чего нет в данном месте.

Такая ситуация не правило, а скорее исключение. Преступивший кормовую или охотничью территорию предавался смерти. Ее можно было избежать путем «немного» обмена.

Карфагенцы рассказывали древнегреческому историку Геродоту будто в Ливии, где-то за Геркулесовыми столбами, есть место, где люди придерживаются таких обычаев. Если к ним привозят товары, то эти товары нужно сложить на берегу моря, вернуться на корабль и пускать оттуда дым. Заметив дым, туземцы выходят па берег, кладут рядом с товарами предназначенное в уплату за них золото и уходят. Тогда карфагенцы снова сходят с корабля на берег и решают, устраивает ли их выложенное количество золота, и если они считают его достаточной платой за их товары, то погружают его на корабль и отплывают. Если же карфагенцы считают, что золота мало, они возвращаются на корабль. Тогда туземцы добавляют к прежнему количеству еще золота, и «торг» продолжается до тех пор, пока карфагенские торговцы не будут удовлетворены. Ни одна сторона не допускает несправедливости по отношению друг к другу, ибо карфагенцы не прикасаются к золоту, пока не сочтут его количество приемлемой платой за свои товары, а туземцы не забирают товары, пока карфагенцы не увезут золото.

Подобная практика имела масштабный характер. Так, впервые «Страну золота» (Гану) назвал географ багдадского халифата аль-Фазари в конце VIII в. Тогда, а может и ранее, обмен между скупщиками золота и поставщиками происходил на основе так называемой «немой» торговли. Обмениваемые товары, то есть золото и предметы, необходимые золотоискателям, и, прежде всего, соль, переходили от владельца к владельцу, и при этом они не видели друг друга. Товарообмен происходил на открытых лесных полянах, куда одна сторона приносила свои товары, а затем скрывалась в лесу, в то время как другая сторона приходила смотреть, что оставлено на поляне, и в свою очередь оставляла там товары соответствующей стоимости. Если обе стороны оказывались довольны предложенным, сделка завершалась [6, с. 22-23].

Спустя многие столетия уроженец Малой Азии Якут ибн Абдаллах ал-Хамави ар-Руми (1179-1229) в «Алфавитном перечне стран» нарисовал такую же картину из жизни этой страны: «Когда же купцы приходят [на место], то бьют в большие барабаны, которые у них с собой и которые слышно за линией, идущей вдоль [мест обитания] черных. И говорят, ... народ этот никогда не дает купцам себя увидеть... И когда купцы узнают, что те услышали барабан, они достают то, чем располагают ... Каждый купец выкладывает то, что ему принадлежит, - каждую разновидность отдельно, - и они удаляются от этого места на переход. А черные приходят с золотым песком, кладут рядом с каждой группой вещей некоторое количество золота и уходят. Потом после них приходят купцы, и каждый забирает то золото, что найдет рядом со своим товаром; они ударяют в барабаны, оставляют товары и уходят ...» [2, с. 244].

Ничем не отличался обмен и в Софале: «... купцы... товары оставляют и уходят. Жители же приходят и оставляют около товаров цену каждой вещи» [2, с. 246].

«Немой» обмен, как отмечал выходец из знатной венецианской семьи, совершивший немало морских путешествий, Альвизе да Ка да Мосто (ок. 1432-1483) в своих «Записках», имел место в африканском государстве Мелли.

«Когда соль доставлена ..., купцы поступают следующим образом. Все, кому принадлежит соль, укладывают ее в ряд кучками, и каждый помечает свою. И после того как устроены эти кучки, все люди каравана возвращаются на полдня пути назад. Затем приходит другая порода черных, которые не желают, чтобы их видели и говорили с ними. Они приплывают на огромных лодках, так что, видимо, приезжают с некоего острова, высаживаются; и, увидя соль, кладут напротив каждой кучки какое-то количество золота, а потом возвращаются, оставив золото и соль. Когда они ушли, приходят ... [хозяева] соли; ежели количество золота их устраивает, они забирают то золото с собою и возвращаются обратно. После этого появляются другие ... - те, у которых золото; и кучку, возле которой не найдут золота, они забирают. К другим же кучкам соли возвращаются, чтобы добавить золота, если считают то справедливым, либо оставляют соль. И вот этим способом они ведут свой торг, не видя друг друга и не разговаривая, по многолетнему давнему обычаю» [2, с. 309]. И далее: «В этой земле «смуглых» не чеканят никакой монеты, и еще менее употребляют ее... Но вся торговля их - это обмен вещи на вещь или двух на одну» [2, с. 311].

Таков же механизм обмена наблюдался в королевстве Санага: «И все выменивают товар на товар, а не на динары, ибо динаров у них нет» [2, с. 315].

«Немой» обмен часто называют «заочным торгом». Такой обмен процветал в конце XIX в. в северо-западной части Северной Америки.

Приплывшие с азиатского материка чукчи раскладывали свои товары недалеко от поселений чибуков (индейцев) и уходили к морскому берегу. Чибуки рассматривали принесенные товары, клали рядом столько своих изделий (главным образом кожу), сколько находили возможным дать, и уходили в свой поселок, не трогая товар чукчей. После этого чукчи возвращались к месту торга, и если они находили предложенные чибуками товары равноценными, брали их, оставляя свои; если же находили, что чибуки в обмен предлагают слишком мало, оставляли все на своем месте. Продажа шла медленно, без встреч и сговора, по с постепенными надбавками и переторгами.

Заочный торг существовал во многих странах и практиковался даже в XX веке.

Весной 1947 г. океанский корабль бросил якорь на значительном расстоянии от берега. Была спущена шлюпка, в которую сели безоружные члены экипажа. Экспедиция итальянского ученого Метараццо отправилась в дикие джунгли центральной Бразилии, на землю индейского племени шаванов. С собой люди взяли лишь некоторое количество простых предметов, которые, как они полагали, могли пригодиться обитателям джунглей: домашнюю утварь, ситец, цветные бусы. Привезенные вещи экипаж выгрузил на скалу и возвратился на корабль.

Два дня матросы наблюдали за берегом в подзорные трубы, потом увидели, что выгруженные из шлюпки вещи исчезли. На третий день матросы заметили, что вместо привезенных вещей на скале что-то лежит. На берег снова отправилась шлюпка. Оказалось, что индейцы забрали вещи и на их место положили фрукты, оружие. [7, с. 9].

В далекие времена между постоянно обменивающимися племенами устанавливались, как правило, мирные, дружеские отношения. Возникающие конфликты решали путем переговоров.

По рассказу одного исследователя, член южно-австралийского племени вудтхаурунг тайно пробрался на землю племени вурунджери и наломал без разрешения себе там камней. Его поймали.

Оба племени сошлись на границе угодий, чтобы вынести решение по этому делу. Вот как описываются переговоры между ними.

«Во время переговоров вудтхаурунги сидели по одну сторону границы, а вурунджери - по другую... Старики каждой из сторон сидели вместе, а более молодые стояли позади них. Бунгерим стоял позади Билли-Биллери, который предоставил ему слово. Бунгерим поднялся

и спросил: «Вы посылали этого юношу ломать камень для топоров?» Предводитель вудтхаурунгов ответил: «Нет, мы никому этого не поручали». Тогда Билли-Биллери обернулся назад и сказал Бунгериму: «Скажи старикам, чтобы они запретили юноше делать впредь что-либо подобное. Если вам понадобится наломать камня, нужно предварительно уведомить нас об этом»... Старики племени вудтхаурунг ответили: «Это правильно, в будущем мы будем поступать так». После строгих внушений, сделанных юноше, укравшему камень, обе стороны вновь стали друзьями» [3, с. 125-127].

Принцип «кто торгует, тот не воюет» сохраняет значение и сегодня, даже если продукт обменивается на продукт.

Американский миллиардер Арманд Хаммер еще при Ленине выменивал продовольствие на пушнину, драгоценности и произведения искусства, а в брежневские времена строил заводы, беря плату готовой продукцией. СССР отдал права на торговлю водкой «Столичная» в Америке - за «Пепси-колу». Хотя необходимости в этом продукте для советского народа не было, но в условиях дефицита и железного занавеса и эта американская экзотика имела большой успех.

Ситуация повторилась в 90-е годы XX ст. Причина реанимации бартера оказалась иная. Если в годину застоя и распада СССР у предприятий денег было сколько угодно, но они не имели необходимой силы, то теперь деньги стали полноценными, но их не хватало. Финансовую систему лихорадило. Правительство отказывалось включать станок. Его величество бартер позволил выжить людям, предприятиям, отдельным отраслям, хозяйственному комплексу, хотя обмен товара на товар далеко не всегда оказывался удобен. На это обращал внимание еще У. Ст. Джевонс в книге «Деньги и механизм обмена», вышедшей в свет в 1875 г. Автор рассказал о некоем Уоллесе, который путешествовал по Малайскому архипелагу и часто прибегал к «непосредственному вымениванию продуктов» путем длительных переговоров. Путешественник нашел выход. Он стал «возить с собой постоянный запас некоторых предметов, как, например, кожи, куски материи, арак, саговые печенья и пр., в надежде, что один из этих предметов понравится... продавцу съестного» [10, с. 1-2].

Все казусные ситуации были связаны с тем, что еще не открыли и не использовали повсеместно товар всех товаров, всеобщий эквивалент товаров – деньги. Когда же они стали реальностью, традиционный обмен приобрел принципиально новую форму – коммерческой сделки купли-продажи.

Выводы. Нехватка или отсутствие сначала физиологически необходимого, а затем привлекательного и редкостного в определенном месте проживания восполнялось либо захватом, либо обменом продукта на продукт. Во времени приоритетным стали «немой» обмен и заочный торг, заложившие основы экспортно-импортных операций внешней (международной) торговли.

Литература:

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства/ Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1982.
2. История Африки. Хрестоматия. – М.: Наука, 1779.
3. Макиавелли Н. Сочинения/ Н. Макиавелли. – СПб.: Кристалл, 1998.
4. Остальский А. Краткая история денег/ А. Остальский. – СПб.: Амфора, 2008.
5. Рабинович М. Судьбы вещей/ М. Рабинович. – М.: Просвещение, 1963.
6. Липперт Ю. История культуры в отдельных очерках: перев. с нем. / Ю. Липперт. – СПб.: «С-Петербургская Электронпечатня», 1902.
7. Ваккури Ю. Цивилизации долины Катара / Ю. Ваккури. – М.: Прогресс, 1988.
8. Черняк В.Е. Популярная история экономики и бизнеса / В.Е. Черняк. – М.: Вега, 2002.
9. Происхождение вещей. Очерки первобытной культуры / Под ред. Э.В. Смирницкой. – М.: «ННН», 1955.

10. Джевонс У. Ст. Деньги и механизм обмена: перев. с англ. / У. Ст. Джевонс. – Челябинск: Социум, 2006.

Охарактеризован механизм движения от случайного использования «чужих» предметов до сознательного их выменивания и купли-продажи.

Ключевые слова: механизм, использование, предметы, обмен, торговля.

ВІД СПІЛЬНОГО ВИКОРИСТАННЯ ЧЕРЕЗ ДАРІННЯ ТА ВЗАЄМОДАРІННЯ ДО ОБМІНУ ТА ТОРГІВЛІ

Кривуц Ю.М., к. е. н., доцент

Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна

Охарактеризовано механізм руху від випадкового використання «чужих» предметів до свідомого їх обміну і куплі-продажу.

Ключові слова: механізм, використання, предмети, обмін, торгівля.

FROM SHARING THROUGH DONATION AND MUTUALLY DONATION TO THE EXCHANGE AND TRADE

Krivuts Y.N., Ph.. D., professor

V.N. Karazin Kharkiv National University

Characterized mechanism of the motion of the casual use of “foreign” objects to their conscious and vumenivaniya sale.

Keywords: mechanism, use items, exchange and trade.

Поступила в редколлегию 19.02.2013 г.

© Кривуц Ю.Н., 2013 г.